

кретные факты злодеяний, — вспомним разрушение Шмаковского монастыря, вспомним, как впоследствии священные ризы, сосуды и другие символы православного обряда находились у крестьян в таком виде, о котором рука не подымается писать. А издательство над православными священниками в той же Приморской области, купание их в зимнее время в прорубях и другие «дружелюбные» приемы, а полное запрещение посещения церковных служб в праздничные дни (прихожанам) от 18 до 54 лет, это как называется?»⁴⁰

Это называется религиозной войной, развязанной на широких просторах великой страны от моря до моря всевозможными инверсиями при активнейшей поддержке помутившихся в разуме бывших русских людей и направленной в самое сердце народного духа — против веры во Всемогущего Творца Господа Нашего Иисуса Христа, всех святых, всех угодников Божиих в Земле Российской просиявших, чьими трудами и молитвами укреплялся и процветал Дом Пресвятыя Богородицы — Святая Русь.

Прямо как в ветхозаветные времена, красные банды Тряпицына по кличке «Борух» чуть ли не поголовно, включая стариков и младенцев, в марте 1920 года уничтожили все гражданское население Николаевска-на-Амуре, спалив город до тла.

В ночь под православную Пасху того же двенадцатого года изуврамы из тюрем Никольск-Уссурийска и Имана были взяты 123 человека, главным образом офицеры Конно-Егерского полка, вместе со своим командиром полковником Вранителем, посажены в вагон в одном нижнем белье и увезены на север. Там на станции Верино, после зверских мучений, были убиты полковники: Вранитель, Ивенский, Галаявин и Герилович, а прочие отвезены в вагонах на железнодорожный мост через р. Хор, где выводили их из вагона по одному человеку, молотками и прикладами разбивали голову и сбрасывали затем с моста в реку. Только одному из 123-х человек, случайно недобитым сброшенному в реку удалось спастись, добраться до кустов на берегу и затем, вместе с найденными потом трупками, поведать миру об избитии христоролюбивого воинства врагами рода человеческого в пасхальную ночь. Память мучеников долгие годы отмечалась в день их кончины русской эмиграцией в Маньчжурии⁴¹

К лету 1921 года на огромной территории Дальнего Востока, включавшей в себя не только Приморье, но и Камчатку, Северный Сахалин, впоследствии и Якутию, полюсу отчуждения КВЖД, на которой были сосредоточены богатые сырьевые ресурсы и достаточный экономический потенциал, при поддержке русских колоний в Харбине и Шанхае просоветскому режиму удержаться не удалось. С 1917 года население здесь выросло с 800 тысяч до полутора миллиона человек за счет притока беженской массы, в том числе и отступивших под ударами красных войск Белых частей. Были среди

"Власть в демократическом государстве полностью зависит от доверия людей. Поэтому для меня важно, чтобы каждый приморец принимал цели, стоящие перед нами.

Повышение уровня благосостояния приморцев, комфортность условий жизни в крае остаются нашими основными приоритетами. Государственная власть призвана работать для народа - это мое единственное понимание сути власти".

Губернатор Приморского края
С.М. Дарькин

Большое число русских призывного возраста не подчинилось приказу Колчака о мобилизации, и как только стало очевидно, что для его исполнения придется применить силу, Иванов-Ринов, не сомневаясь, послал своих казаков, чтобы привести всех людей указанного возраста. Это положило начало господству такого террора, в который трудно поверить.

В марте в американскую штаб-квартиру пришла молодая женщина, назвавшаяся деревенской учительницей, и попросила защиты для себя и своего брата, чтобы они могли вернуться в свою деревню Гордеевка и похоронить отца, убитого людьми Иванова-Ринова. Молодая женщина сказала, что русские войска пришли в Гордеевку в поисках молодых людей, которых можно забрать в армию, но молодые люди убежали, поэтому военные взяли десять жителей деревни, не подлежащих призыву по возрасту. Сначала их пытали, потом убили и выставили охрану, чтобы не позволить семьям похоронить тела. Это выглядело такой противоестественной жестокостью, что я при-

иях, и
дио.
испо-
их по-
рф —
ческой
й раз-
в-Ри-
вла-
с всех
сли я
рус-
рити-
н со-
нант
ться
г бы

казал офицеру с отрядом солдат пойти в Гордеевку, чтобы проверить сообщение, и известил молодую женщину о своих намерениях.

Посланный мною офицер во всем разобрался и сообщил следующее:

«Когда мы пришли в здание школы в Гордеевке, нас встретил отряд из семидесяти восьми человек, вооруженных винтовками, в основном это были русские винтовки, включая несколько старых однозарядных калибра 45—70. Вся информация, которой я обладаю, получена в присутствии этих семидесяти восьми вооруженных крестьян и двадцати пяти или тридцати женщин. Большую часть сведений сообщили жены жертв, которые то и дело начинали плакать, потому что все это стало для них очень тяжелым испытанием. Первая из опрошенных сказала, что ее муж шел в школу со своей винтовкой, чтобы, согласно приказу, сдать ее русским военным. Его схватили прямо посреди улицы и начали бить по голове и по телу его же винтовкой, а потом отвели в дом неподалеку от школы, где привязали за шею к стропилам со связанными руками и зверски били по телу и по голове, пока кровь не забрызгала все стены в помещении. По следам на его теле я определил, что его также подвешивали за ноги.

Позже его поставили в шеренгу вместе с восемью другими мужчинами и в 2 часа дня расстреляли. Всего заложников было десять человек, и все они были убиты, кроме одного, которого люди Иванова-Ринова оставили умирать. Следующая женщина, которую я опрашивал, была хозяйкой дома, где избивали всех этих людей, а потом на скотном дворе расстреливали. Она сообщила, что 9 марта 1919 года около 11 часов утра к ней в дом пришли несколько офицеров Иванова-Ринова и забрали ее мужа в другой дом. Около 11:30 они привели ее мужа назад домой и стали избивать его вместе с другими. Они сломали ему руку, вырвали ногти и выбили все передние зубы. Ее муж был хромым инвалидом».

В своих комментариях офицер писал:

«Я обнаружил, что пол в комнате, где избивали этих людей, залит кровью, и стены также забрызганы кровью. С потолка по-прежнему свисала проволока и веревочные петли, на которых этих людей подвешивали за шею. На них тоже была кровь. Помимо этого я выяснил, что некоторых из этих людей обливали кипятком и жгли каленым железом, нагретым в маленькой печке, которая находилась в комнате.

Я побывал на том месте, где расстреляли этих людей. Их выстроили в ряд и застрелили. В каждом теле оказалось по меньшей мере три пулевых отверстия, а в некоторых до шести и более. По-видимому, сначала им стреляли по ногам, а потом выше по телу».

Молодой офицер, проводивший расследование, собрал и сообщил гораздо больше свидетельских показаний, но все остальные свидетельства во всех подробностях совпадали с теми, которые я процитировал выше.

Этот случай казался настолько вопиющим, что я приказал молодому офицеру доложить обо всем лично мне. Он не был кадровым армейским офицером и оказался на службе только во время войны. Я навсегда запомнил слова, которые он произнес, после того как я закончил его расспрашивать. Он сказал: «Генерал, ради бога, никогда больше не посылайте меня с подобными заданиями. Я был близок к тому, чтобы снять мундир и присоединиться к этим людям, чтобы помочь им всем, чем могу».

Из Спасского, находившегося на железной дороге между Владивостоком и Хабаровском совершенно в другом районе, чем Гордеевка, офицер разведки прислал следующее донесение в отношении посланных туда русских офицеров: «Они, смеясь, рассказывали о своих недавних рейдах в поисках оружия и боеприпасов. Чтобы продемонстрировать жителям серьезность своего задания, они входили в деревню, хватали первого попавшегося человека и давали ему пятьдесят ударов кнутом, после чего били еще, если у них появлялась причина подозревать, что он утаил какую-то информацию».